

Следует понимать, если кто-то начинает говорить, что приоритетным социально-экономическим статусом охотника является то, где он — потребитель, а оплата сервисных услуг и приобретение товаров охотничьего ассортимента важнее самой охоты и объекта охоты, то это и есть прибавшаяся чужеродная пена. Охотдепартаменту хочу пожелать, чтобы он как можно быстрее излечился от заморского заразного вируса и занимался охотой и объектами охоты, а не стимулированием развития легкой промышленности, выпускающей товары охотничьего ассортимента. Кому это выгодно и нужно и кто за этим стоит — другой вопрос.

Второй фактор. Продукция охоты лишена товарного статуса.

Владимир Михайлович делает в этой части весьма спорную ссылку на то, что североамериканские охотники с гордостью говорят: «Я съедаю все, что добываю». Это как-то не стыкуется с его основной позицией. В США продукция охоты предназначена исключительно для личного потребления, лишена товарного статуса и ее нельзя реализовать через открытую рыночную сеть. И на переработку ее не сдать. Законодательство запрещает. Официальное объяснение этому — запрет каналов реализации продукции охоты снижает мотивацию к браконьерству.

Чем грозит нам заморский вариант «съедаю сам», лишаящий продукцию охоты товарного статуса?

Из 1 400 тысяч человек населения Кировской области 800 тысяч проживает в самом областном центре и в пригородной зоне радиусом 50 км от резиденции губернатора, расположенной на центральной площади Кирова. Круг радиусом 50 км — это 5% территории области. Остальные 600 тысяч, из них 14 тысяч охотников живут на другой (95%) территории региона, равной по площади Московской, Калужской, Тульской и Орловской областям вместе взятым. В этой зоне практически все виды охотничьих ресурсов недоиспользуются. Если возьмем Архангельскую область или Республику Коми, то они несколько меньше (1200 тыс. и 900 тыс. человек) по населению, но в несколько раз больше по территории. Для людей, живущих на таких просторах России, охота, сетевое рыболовство, сбор грибов и ягод действительно являются основой жизнедеятельности. В такой ситуации крайне важна легализация и отмена запрета товарного оборота мяса дичной продукции охоты и ее промышленной переработки. В свое время это можно было делать. Увы, сейчас невозможно. Сформирована ветеринарно-санитарная нормативно правовая база, запрещающая заготовку,

переработку и продажу через открытую сеть мяса дичной продукции, добытой на охоте. Причем этот запрет никоим образом не связан ни с качеством, ни с какими-то иными аспектами, касаемо самой продукции. Запрет чисто административный — забой и разделка произведены на нелегальном забойном пункте. Если рьябчиков и лосей будут забивать и разделывать на забойных пунктах, имеющих соответствующую лицензию, возможно, проблем с реализацией их мяса и не будет. Но спрашивается, где здесь место для промышленной охоты и для охотника-промысловика как добытчика продукции? Увы, это тоже следствие применения зарубежного опыта.

Третий фактор. Приоритет неохотничьих методов регулирования численности и полное игнорирование охоты в качестве средства управления популяциями охотничьих животных.

Антиохотники, продвигая неохотничьи методы управления популяциями, добиваются выделения средств из бюджета на соответствующие программы. Власти это устраивает: достигается видимость решения проблем.

Рост численности диких животных приводит к миграции их из дикой природы в самые разнообразные владения человека — сельскохозяйственные угодья, искусственные водоемы, сады, парки, промышленные зоны и улицы населенных пунктов. Происходят потравы сельхозкультур, возрастает угроза человеку со стороны крупных хищников, обостряется эпизоотическая ситуация. В такой ситуации охота как способ регулируемого использования ресурсов охотничьих животных остается реальным и дешевым инструментом управления численностью охотхозяйственных популяций, позволяющим эффективно решать проблему.

Владимир Климов в статье «Азарт здесь ни при чем» («РОГ» № 24, 2016) пишет: «Интенсивный отстрел лисич в рамках регулирования численности на прилегающих к населенным пунктам территориях, в том числе в период гона, привел к снижению в Воронежской области неблагоприятных по бешенству пунктов».

Отсюда, как только снижается охотничий пресс или охоту начинают игнорировать как инструмент управления и регулирования численности, происходит резкий и неконтролируемый рост численности, что очень быстро порождает проблемы и конфликты человека с дикими животными. Например, проблемы с медведем.

Сергей Гришаев (охотник, Томская обл., р.ц. Карасок). Причиной массового выхода медведей к людям стала возросшая численность этих животных. А численность, в свою очередь, могла вырасти из-за запрета зимней охоты на медведей в берлогах, который вступил в силу в 2011 году. Охоту закрыли на берлогах, вот и получают результат. Охота была платная, мужики искали берлоги и продавали, этим и кормились. Так численность регулировали неплохо. А сейчас нельзя так охотиться. И кому он нужен? Сало да желчь нужны. А мясо, в основном, зараженное. Из семи медведей, отстрелянных в районе, у четверых зараженное мясо, ответил охотник.

Вывод. Запретили вид охоты — получили резкий рост численности, породившей проблемы. В 2014 году медвежья напасть касалась только Сибири. В 2017 медведи атакуют

населенные пункты по всей стране, от Ленинградской области до Камчатки, о чем регулярно сообщает телевидение.

Проблема с медведями в США существует, наверное, лет 50 или даже больше. У нас ее не было никогда. Как только взяли за основу североамериканский опыт в виде деятельности в сфере охотничьего хозяйства, так автоматически и перетянули медвежью проблему, которая сейчас проявляется по всему ареалу обитания и имеет тенденцию к расширению и развитию.

В США проблемы не только с медведями, но и с бобрами, оленями, пумами, сурками, койотами и даже с гусями, и происходит они по большей части из искусственно и целенаправленно завышенной численности, не соответствующей емкости охотугодий. К примеру, в угодьях 4-го бонитета искусственно поддерживается численность, соответствующая 2-му бонитету. Главный виновник этого — деятельность антиохотничьих организаций. Причем доводы антиохотников, как правило, обосновываются не фактами и логикой, а финансовой мотивацией. В этой связи, если «зеленые» против какой-либо охоты не возражают, то это просто означает, что за это не платят. Все антиохотничье движение — это виды и способы

своеобразного бизнеса, осваивающего выделяемые на такую деятельность деньги.

Ларчик открывается просто. В США развита система компенсаций за ущерб, нанесенный дикими животными. Сотрудники ВНИИОЗ С.И. Миньков и В.А. Чашухин, изучавшие проблему, пишут, что в штате Миннесота ущерб от бобров достигал 23 млн долларов в год и при этом они на втором месте, на первом — белохвостые олени.

Хорошо развитая и отлаженная система компенсаций за понесенный ущерб от диких животных создает привлекательный и весьма ощутимый источник дохода для землепользователей и лесопользователей. Из десятков миллионов долларов полученных компенсаций можно несколько миллионов и пожертвовать антиохотникам, чтобы те держали охотников и охоту на коротком поводке. Именно поэтому охоту, как эффективное средство, отрицают в решении проблем, связанных со снижением численности диких животных в целях уменьшения наносимого ими ущерба. Вместо охоты предпочтение отдается крайне затратным и неэффективным неохотничьим методам управления популяциями. В США однажды применили, а потом отказались только от контрацепции копытных. Отлов оленей для контрацепции оказался слишком дорогостоящим даже для федерального бюджета. Все остальные, несмотря на неэффективность и затратность, широко применяются: а) отлов и переселение, б) формирование ландшафтов с включением растений, непригодных для поедания дикими животными, в) ограждение, забор, г) опрыскивание растений веществами, сдерживающими воздействие на них оленей, д) отпугивание звуковыми сигналами, е) отпугивание с применением сторожевых собак, ж) разрушение бобровых плотин и т.п.

Антиохотники, продвигая неохотничьи методы управления популяциями, добиваются выделения средств из бюджета на соответствующие программы. Власти это устраивает: создаются новые рабочие места, достигается видимость, что меры для решения проблем принимаются.

Такая ситуация устраивает получающих компенсацию за понесенный ущерб и антиохотников, имеющих от этого свою долю. В проигрыше оказываются только охотники, охота и объекты охоты.

Чтобы не наступать на чужие грабли, необходимо двигаться своим путем, где суть охоты — в первую очередь эффективный и дешевый инструмент управления численностью охотхозяйственных популяций, гарантирующий охотничьим животным возможность устойчивого обитания.

Виктор БЕЛИК, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону; Александр МИЩЕНКО, Институт проблем экологии и эволюции РАН, г. Москва

ГОРЛИЦУ В КРАСНУЮ КНИГУ!

Ответ на статью Александра СОЛОХИ «Горлица и Красная книга»

и Красная книга» была опубликован в «РОГ» № 42–43. В ней полностью искажены факты и суть выступления А. Мищенко на международном совещании, посвященном горлице, в Венгрии. Просим опубликовать нашу статью, чтобы показать охотникам обоснованность включения горлицы в Красную книгу России.

С уважением, Виктор Белик, д-р биол. наук, Александр Мищенко, кандидат биол. наук

Еще сравнительно недавно, всю вторую половину XX века, обыкновенная горлица в России была массовым, очень популярным охотничьим видом, особенно в южных регионах, через которые шел пролет многочисленных северных птиц, обеспеченных здесь обильной кормовой базой на скошенных хлебных полях и на созревающих полях подсолнечника. Численность горлицы в России оценивалась специалистами тогда в 1 750 000–2 880 000 пар (Равкин, 2005 г.). И совершенно неохотно для всех, и охотников, и орнитологов, в самом конце XX века произошла резкая, быстрая, во многом непонятная и необъяснимая до конца катастрофическая депрессия популяций горлицы по всему ареалу.

Поэтому утверждения некоторых орнитологов-охотников, что никакого сокращения численности у обыкновенной горлицы не наблюдается (см. ст. А. Солохи в «РОГ» № 42–43), это или профессиональная некомпетентность, или откровенное лукавство, о чем свидетельствует и извращенное содержание дискуссии, проходившей в январе 2017 г. в Венгрии на семинаре по разработке

Международного плана действий для охраны обыкновенной горлицы.

Так именуемые в российской печати факты свидетельствуют, что на автомаршруте по северу Ленинградской обл. в 1980 г. орнитологами было учтено 40 пар горлиц (Мальчевский, Пукинский, 1983 г.), но в 1998 и 1999 гг. там не встречено ни одной птицы, а в более оптимальных южных районах в 1998 г. на 600 км автомаршрута была отмечена только одна горлица (Пчелинцев, 1999 г.). В начале XXI века горлицы практически исчезли в Костромской обл. (Преображенская, 2010 г.). В Новгородской обл. сейчас осталось всего нескольких десятков пар (Мищенко, 2015 г.). В Чувашии горлицы редко встречаются сейчас даже во время миграций (Кузюков, Дмитриев, 2010 г.). В Окском заповеднике обилие этих птиц в течение 2000–2009 гг. снизилось в два раза (Иванчев, Денис, 2011 г.). В Липецкой обл. численность сократилась в 3–5 раз (Недосекин, 2014 г.). На юго-востоке Саратовской обл., где в 1936–1940 гг. в лесополосах базировались 5,4 особи/км маршрута и 1,3 пары/га лесонасаждений (Завьялов и др., 2007 г.), в начале века в лесах по р. Еруслан за день не было встречено ни одной горлицы (Белик, 2017 г.).

На юге России в 1990-е годы прослежено снижение численности горлицы на 20–40%, а в Дагестане, Ростовской и Волгоградской обл. популяции сократились на 50% и более (Белик и др., 2003 г.). Если в начале XXI века общая численность горлицы на юге России оценивалась в 100–300 тыс. пар, то в 2010-е годы лишь в 1–2 тыс. пар, т.е. уменьшилась как минимум в 100 раз (Белик, 2005 г., 2014 г.). Такое же катастрофическое сокращение численности отмечено в Ставропольском крае. В предгорьях Краснодарского края в июне — августе 2004–2016 гг. на шести пеших маршрутах протяженностью бо-

лее 350 км отмечено всего 5 токовавших горлиц, т.е. их обилие составило не более 5 пар/100 км², что на два-три порядка ниже, чем было прежде (Белик, 2017 г.). В Имеретинской низменности в Сочи, где в 1980–1990 гг. горлица считалась обычным видом, сейчас встречается лишь единичными особями (Тильба, 1999 г., 2017 г.).

Общая численность горлицы в Европейской России в 2016 г. была оценена орнитологами в 7–15 тыс. пар, что более, чем в 100 раз ниже, чем было здесь в конце XX века (1,0–2,5 млн пар). На 30–49% за последние 16 лет сократилась и европейская популяция горлицы (BirdLife International, 2015 г.). Это однозначно свидетельствует о необходимости принятия срочных мер по охране данного вида, тем более что до сих пор не удалось точно установить причины наблюдающейся катастрофы.

Отрицательно сказалась, очевидно, традиционная охота на горлиц во время осеннего пролета на юге России и Украины, в Грузии, Турции и других странах. В степной зоне негативным фактором является предпосевная обработка зерна остроотоксичными ядохимикатами, приводящая к отравлению многих птиц. Важным фактором стало также воздействие засух, усилившихся в последние десятилетия на местах зимовки горлиц в африканском Сахеле. Тем не менее спасение этого вида во многом зависит от организации охраны на местах гнездования в России, где находится основная часть его ареала. К настоящему времени обыкновенная горлица занесена в Красные книги 9 субъектов РФ, но произошло это лишь в последние годы, когда резкое падение ее численности стало уже особенно выраженным. И поэтому для сохранения обыкновенной горлицы крайне важно своевременно включить ее в Красную книгу России.

Уважаемая редакция! Недавно в «Русском орнитологическом журнале» вышла наша статья, посвященная обыкновенной горлице. В ней приведены факты о сокращении ее численности по всему ареалу. Там упоминается и г-н Солоха, чья статья «Горлица